

поведания. 17 октября 1906 г. Николай II ввёл в действие положение о старообрядческой общине, составленное на основе пожеланий предпринимателей-староверов. 1906–1916 гг. стали «золотым веком» старообрядчества.

Почему же в это время старообрядцы оказались в составе контрэлиты? Во-первых, путь в элиту для них по-прежнему был закрыт, а во-вторых, в начале XX в. в жизнь вступило поколение, прошедшее через университеты, где господствовал корпоративный оппозиционный дух. Там купеческие дети усвоили духовные ценности интеллигенции. Именно они, а отнюдь не принадлежность к старообрядчеству, и привели их в контрэлиту. Кстати, в середине XIX в. представитель британской фирмы «De Jersey & Co» Л. Кноп начал поставлять в Россию оборудованные под ключ текстильные фабрики, сырьё и всё необходимое для начала производства. Вскоре дети купцов-старообрядцев стали получать образование в Англии и в дальнейшем оказались привязаны к английской культуре (Морозовы – самый яркий, но не единственный пример). Симпатии к Великобритании определили не только тяготение Морозовых и Рябушинских к либеральной оппозиции, но и их неприязнь к недругам и конкурентам Англии, в частности, к немецкому бизнесу. Именно против него выступали в конце XIX – начале XX в. англоманы-старообрядцы, а не против иностранного капитала и инвестиций вообще, как пытается доказать Пыжиков. Война России в союзе с Англией против Германии была встречена ими с восторгом, тогда как сепаратный мир с Германией они считали абсолютным злом, стараясь исключить даже потенциальную возможность подобного развития событий. Характерно, что в этом же направлении действовал и А.В. Кривошеин (женатый на внучке Т.С. Морозова) – пожалуй, единственный человек, представлявший интересы старообрядчества в составе российской элиты.

Фёдор Гайда: Керженский дух

Можно только приветствовать попытку А.В. Пыжикова извлечь историю русского раскола из «этнографического чулана» (с. 5) и привлечь внимание читателей к его политической и социальной «граням», которые к началу XX в. сплетаются в такой тугий узел, что рассматривать их отдельно друг от друга едва ли возможно. В отличие от более раннего времени быстрые экономические и социальные изменения, которые происходили тогда в России, сразу же отражались на политической борьбе. Но до сих пор ещё исследователями не выяснено, как при этом сказывалось разделение страны на раскольничьи «низы» и «никонианское» государство.

Масштабное историческое моделирование сейчас весьма популярно. Автор книги соглашается с теми, кто в событиях русской истории середины XVII в. видит выбор между движением к «национальному государству, гражданству» и путём «служивой бюрократии к наднациональной рабовладельческой империи» (с. 102). Но столь широкие ретроспективные обобщения и перенесение реалий XIX–XX вв. на более ранние эпохи едва ли оправданы. Конечно, «поборники старины» середины XVII в. в известной мере были революционерами, и в Аввакуме нет ничего от Стоглава, но зато уже просматриваются черты интеллигента. С другой стороны, западник Пётр Великий при всей своей любви к передовому регулярному государству прибегал и к традиционным опричным методам. Однако именно он обеспечил России будущее, и только в этой императорской России могли бы со временем возникнуть ростки «гражданства».

Сторонники иного пути могли привести Россию лишь к исторической обочине, а в перспективе – к поглощению более развитыми соседями.

Тем не менее хорошо известно, что религиозное движение против господствующей Церкви изначально не было единым и постепенно всё более и более разделялось. В книге Пыжикова показано, насколько серьёзно с течением времени и переменой обстоятельств трансформировались социально-экономические ориентиры русских раскольников (и, конечно, этот процесс протекал не равномерно), что не могло не сказаться на их мировоззрении, отношении к власти и политических пристрастиях. При этом «раскол» неизменно манил к себе борцов за народное счастье. Так, левые радикалы второй половины XIX в. искали сближения с религиозными «бунтарями», пострадавшими от николаевских репрессий, и, видя в них некое подобие политической партии, даже учились у них конспиративной деятельности.

Однако революционеров ждало разочарование, поскольку к этому времени раскольники уже прочно встроились в социальную и экономическую жизнь империи. Причём постепенное улучшение их положения в пореформенный период было связано даже не с собственными успехами, как ранее, а с изменением отношения к ним в правительственных кругах. Царствование Александра II и особенно первые годы правления Александра III действительно можно назвать ренессансом раскола (с. 267–273), краткий «золотой век» которого наступит после объявления в 1905 г. веротерпимости. Однако к этому времени никакого единства в «русском расколе» давно уже не было, что признаёт и Пыжиков. Поведение московских торгово-промышленных кругов являлось вполне типичным для раннего капитализма. Впрочем, вряд ли экономический курс С.Ю. Витте столь больно бил по их позициям, как кажется автору (с. 305–309). В гораздо большей степени оппозиционные настроения провоцировала политика «полицейского социализма», инициатором которой стал начальник московского охранного отделения С.В. Зубатов (с. 297–298, 324–337, 340). Совсем иной оказалась ситуация в деревне. Неэффективность столыпинской аграрной реформы Пыжиков связывает с невозможностью согласовать представления власти и крестьян о земельной собственности, поскольку причина заключалась в том, что «в отличие от правящих элит русский мужик всегда жил в пёстрой конфессиональной старообрядческой среде» (с. 606–607). Иными словами, правительство одновременно сталкивалось как с классовым эгоизмом, так и с архаичной общинностью. Но было ли то и другое проявлением психологии раскола?

Как считает автор монографии, бюрократия совершенно не осознавала раскольничий дух крестьянства, полагая, что оно вполне лояльно синодальному православию (с. 605–606). Между тем со времён В.К. Плеве сановники пытались установить политический контакт с раскольниками. В указе о веротерпимости, подписанном 17 апреля 1905 г., 7 из 17 пунктов касались непосредственно старообрядцев. 5 сентября и 13 октября 1906 г. Совет министров под председательством П.А. Столыпина рассмотрел подготовленный товарищем министра внутренних дел С.Е. Крыжановским проект Положения о старообрядцах и отделившихся от православия сектантах. В соответствии с ним устанавливалось, что община, если она не являлась «изуверской», могла подавать в губернское правление заявление о регистрации, после которой получала права самоуправления и статус юридического лица. Ссылаясь на указ 17 апреля и «нравственную обязанность» в отношении «нескольких миллионов вернопод-

данных», члены Совета министров заявляли: «Требуют этого и интересы сохранения старообрядцев – этого исконного оплота русской государственности – в рядах сторонников порядка и мирного обновления нашего государственного строя, тем более что уже и среди них начинает замечаться брожение и некоторый поворот в сторону крайних течений». При этом критику законопроекта со стороны Св. Синода правительство практически игнорировало¹².

Уже 17 октября 1906 г. указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» был в спешном порядке одобрен императором¹³. В его преамбуле указывалось, что старообрядцы являлись частью православной Церкви; вместе с тем он должен был освободить их от опеки со стороны церковной власти. В правящих кругах полагали, что только так удастся сблизить, а в перспективе и воссоединить староверов с Церковью. С.Л. Фирсов такая логика кажется странной¹⁴, однако действовать по-другому в обстановке начала XX в. было попросту невозможно. Кроме того, это позволяло надеяться на сотрудничество старообрядцев с государством. Впрочем, по окончании революции 1905–1907 гг. острая необходимость в этом, по мнению чиновников, отпала. Подготовленные вероисповедные законопроекты были внесены в Думу, но затем встретили противодействие в Государственном совете, их согласование затянулось, и в итоге они так и не вступили в силу, что повлияло на отмеченную А.В. Пыжиковым радикализацию раскольников (с. 619–620). Однако и «господствующая» Церковь заявляла о своей ущемленности. На заседании Совета министров 23 января 1914 г. обер-прокурор В.К. Саблер констатировал, что после 1905 г. старообрядческие приходы получили свободу большую, чем православные. Сложившуюся ситуацию он считал угрожающей: «Устранение прихожан от действительного участия в заведовании приходскими делами приводит к безразличному и безучастному отношению их к интересам Церкви, ставит их в положение лишь посещающих храм богомольцев и подавляет какую-либо их самостоятельность». Это препятствовало развитию благотворительности и духовного просвещения и вызывало «как в среде пастырей Церкви, так и в общей массе самих пасомых серьезные опасения за прочность положения православной Церкви в России»¹⁵. Именно этими соображениями руководствовался Саблер, составляя проект реформы православного прихода. Однако начавшаяся вскоре Первая мировая война сделала эти разработки неактуальными.

Говоря о политическом влиянии старообрядцев, Пыжиков уделяет большое внимание формированию парламентского большинства накануне и в годы войны. Важную роль в этом процессе играл А.В. Кривошеин, располагавший обширными связями в государственных, общественных и торгово-промышленных кругах (с. 512–526). Однако был ли он проводником интересов московских староверов, как полагает автор? Не следует забывать, что именно Кривошеин проводил аграрную реформу, вызывавшую противодействие раскольников. Да и в том правоцентристском большинстве, которое он желал сформировать в

¹² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1906 год. М., 2011. С. 220–223, 226–228.

¹³ Там же. С. 219.

¹⁴ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 285–290.

¹⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 63.

Думе, представители купеческой Москвы не могли бы играть решающей роли. Между тем партия прогрессистов, организованная и финансируемая московскими предпринимателями, добилась большого успеха на думских выборах 1912 г., потеснив октябристов и забрав часть голосов у кадетов (что, разумеется, вызвало негативную реакцию этих партий). Кадетские лидеры в декабре 1912 г. всерьёз опасались самостоятельности и непредсказуемости прогрессистов¹⁶. Как и октябристы, они не торопились создавать блок с новой фракцией, и А.И. Коновалов даже отказывался верить в перспективу такого объединения¹⁷. Кстати, именно в это время левые кадеты (в частности, Н.В. Некрасов) стали активно втягивать прогрессистов в масонские структуры. Скорее всего, именно на рубеже 1912–1913 гг. в «думскую ложу» вошли И.Н. Ефремов и Коновалов. Тогда же в Думе возникло надпартийное масонское объединение из представителей левых кадетов, прогрессистов и меньшевиков, к которым присоединился и трудовик А.Ф. Керенский¹⁸.

Отставка В.Н. Коковцова в январе 1914 г., основным инициатором которой являлся А.В. Кривошеин, поначалу внушила прогрессистам некоторые надежды. Их рупор – газета «Утро России» – даже призывала октябристов к взаимодействию с возглавившим Совет министров И.Л. Горемыкиным¹⁹, которому рекомендовалось стать «консерватором на манер английских ториев»²⁰. В начале февраля Коновалов, избранный к тому времени товарищем председателя Думы, устроил совещание, на котором обсуждалась возможность объединения усилий думских либералов. Однако вскоре он сам, по его собственным словам, «глубоко разочаровался» в этой идее²¹, и уже через несколько дней заявил: «Решающую роль в дальнейшем направлении внутренней политики России сыграет не Гос[ударственная] дума, а население. В Гос[ударственной] думе надо только поддерживать хороший прогрессивный дух»²². 3–4 марта в Москве на квартире П.П. Рябушинского состоялось несколько встреч прогрессистов, левых октябристов, кадетов, народных социалистов и социал-демократов. Коновалов вновь предлагал объединить эти силы, а также «национальные политические группы» на основе Манифеста 17 октября, после чего объединённая оппозиция должна была спровоцировать два–три «экссесса революционного характера» и вынудить правительство пойти на уступки. Предполагалось устроить одновременные и организованные выступления рабочих, крестьян, торгово-промышленных групп и городских слоёв, которые должны были «поражать грандиозностью» и соответствующим образом освещаться в печати. Ожидалось, что повод для подобных действий даст само правительство, а создаваемый информационный комитет выдвинет лозунги и определит задачи, которые каждая партия будет выполнять своими средствами²³. Коновалов выдал

¹⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 242, 1912, д. 307а, л. 57–58.

¹⁷ А.И. Коновалов о текущем моменте // Утро России. 1913. 24 марта.

¹⁸ Соколов А.В. Русское политическое масонство в России в 1910–1918 гг. Персональный состав // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для учёных «Клио». СПб., 2002. С. 264, 271.

¹⁹ Ждут октябристов // Утро России. 1914. 8 февраля.

²⁰ Идущие за веком // Там же. 1914. 14 февраля.

²¹ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 325.

²² Голос Москвы. 1914. 27 февраля.

²³ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. С. 325–327.

большевикам 5 тыс. руб. (2 тыс. – Малиновскому на рабочую печать, и 3 тыс. – лично Ленину) и обещал предоставить ещё 20 тыс. руб. на организацию съезда, если они будут участвовать в информационном комитете²⁴. Но далее дело не пошло: прогрессистам не удалось возглавить движение, а их деятельность в Думе и вне её стен была весьма хаотичной.

В образованном летом 1915 г. Прогрессивном блоке сами прогрессисты, как ни странно, были маргиналами. Они не сумели убедить парламентское большинство в необходимости выдвинуть лозунг «ответственного министерства». Пыжиков справедливо отмечает, что блок, у истоков которого стоял всё тот же Кривошеин, активно поддерживала московская буржуазия (с. 547–550). Однако кадетам удалось перехватить инициативу ещё в ходе его оформления. В результате средство взаимодействия правительственных либералов с законодательными палатами было использовано как оппозиционный таран, а его программа из предназначенного для закулисного торга списка превратилась в мощную и деструктивную декларацию. С самого момента своего возникновения блок оказался совсем не тем, на что изначально рассчитывал Кривошеин – и это привело к окончательному провалу его «либеральной пьесы»²⁵. Общественные организации – в первую очередь военно-промышленные комитеты, к созданию которых московские предприниматели имели прямое отношение – без всякого сомнения, играли крайне важную политическую роль в событиях 1915–1917 гг. Вплоть до зимы 1916/17 гг. их требования были радикальнее, чем у думского большинства. Однако они слишком зависели от казённых ассигнований. Попробовав весной 1916 г. оказать совместное давление на правительство и даже перехватить инициативу у Думы, они столкнулись с противодействием: стоило министрам просто намекнуть на возможность установления контроля над финансовыми потоками общественных организаций, как весь политический протест быстро угас. Все попытки реанимировать его в конце 1916 – начале 1917 г. оказались неудачными, и невразумительная реакция на арест Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета хорошо это показала²⁶. Сказывались и серьёзные противоречия в самой торгово-промышленной среде (с. 564–579). В конечном счёте, общественным организациям пришлось ориентироваться на Думу: вызывать к ней, понукать её, испытывать священный трепет от речей её ораторов. Последнее же слово должна была сказать улица.

Весьма любопытно наблюдение Пыжикова о том, что в планах «дворцового переворота» староверы делали ставку на вел. кн. Михаила Александровича, поскольку его морганатическая супруга гр. Н.С. Брасова была тесно связана с деловыми кругами Первопрестольной (с. 580–581). Между тем, как вспоминал московский купец прогрессист П.А. Бuryшкин, «в Москве, как и повсюду, очень много говорили и о “дворцовом заговоре”, и о “дворцовом перевороте”. Называли и имена... А.И. Гучкова... А.И. Коновалова. Но именно потому, что в Москве их хорошо знали, мало кто верил в серьёзность такого начинания»²⁷. Заговорщики действовали так, чтобы подобные разговоры имели максимально широкое распространение – это было одной из форм воздействия на власть

²⁴ Там же. С. 330.

²⁵ Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 115–135.

²⁶ Там же. С. 201–207, 260–263.

²⁷ *Бuryшкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 316–317.

и расширения собственного влияния. Подобная тактика имела успех, но не среди тех, кто лично знал приёмы А.И. Гучкова. Александр Иванович был человеком темпераментным и честолюбивым, но в пылу политической борьбы играл только за себя. Он оказался плохим лоббистом, и этого москвичи ему не простили (с. 508–512). При таких личных качествах, даже обладая широкими связями в «сферах», трудно было рассчитывать на прочную и долговременную поддержку. Путь, пройденный Гучковым весной 1917 г. от псковского триумфа до позорной отставки с поста военного министра, стал тому подтверждением.

В заключении, подводя итоги и выйдя за установленные им хронологические рамки книги, автор пишет о том, что сталинизм «утверждался в рамках “фирменной” беспоповской староверческой психологии» (с. 644–645). Между тем нельзя не отметить, что эта психология скорее была близка большевизму как таковому с его бескомпромиссной идеологией и сектантскими принципами партийного строительства. Как тут не вспомнить крестьянского поэта Н. Клюева: «Есть в Ленине керженский дух, // Игуменский окрик в декретах, // Как будто истоки разрух // Он ищет в “Поморских ответах”».

Иными словами, при всей спорности авторской концепции затронутые А.В. Пыжиковым проблемы не могут не заинтересовать как исследователей, так и всех читателей, интересующихся русской историей. А это значит, что книга удалась.

Сергей Куликов: То, что аукнулось в XVII в., откликнулось в 1917 г.

Для советской историографии всегда была характерна секуляризация религиозных аспектов исторического процесса – в лучшем случае их сводили к социально-экономическим факторам, а в худшем – не замечали вообще. Между тем определяющее влияние религиозной мотивации, в прямой или опосредованной форме, даже на экономическую деятельность человека после «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова и «Протестантской этики» М. Вебера представляется уже очевидным. Уникальность книги А.В. Пыжикова состоит в том, что в ней говорится не столько о русском расколе, которому посвящена громадная литература, сколько о его влиянии на русскую историю. Религиозная борьба середины XVII в. для нас во многом закрыта культурным разделением начала XVIII в., Пётр I в чём-то кажется нам ближе и понятнее, чем Алексей Михайлович. Однако тот, первый раскол, затронувший экзистенциальные глубины народного самосознания, по своим долговременным последствиям был гораздо важнее, нежели второй, явившийся всего лишь его верхушечным продолжением. Старообрядческая этика со временем стала мощной закваской для нарождавшегося в России капитализма, и неудивительно, что во взаимоотношениях староверов с властью гонения сменялись послаблениями – государственные интересы не позволяли резать курицу, несущую золотые яйца. Вместе с тем длительные периоды преследований содействовали созданию старообрядцами особой субкультуры, сходной в каком-то смысле с той, которая сформировалась в Российской империи у евреев. Противостояние власти закреплялось из поколения в поколение, и немудрено, что многие староверы оказались среди руководителей и участников восстаний С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачёва.

А.В. Пыжиков едва ли не первым из историков попытался осветить политическое влияние старообрядцев не только в XVII–XVIII, но и в XIX–XX вв. Советские учёные много писали об отличии московской буржуазии от петер-